

Секция «Теория, история и методология перевода»

Элементы мистического в балладе Гёте «Лесной Царь» и ее переводах на русский и английский языки

Лазутина Дарья Александровна

Студент

Тверской государственный университет, Иностранных языков и международной коммуникации, Тверь, Россия

E-mail: flevelin@yandex.ru

Романтизм, как и любое другое литературное направление, имеет свои характерные черты. Зародившись в одной стране и постепенно завоевав признание по всему миру, романтизм каждый раз частично изменялся под влиянием традиций другой культуры.

Элементы мистического занимают важное место в поэтике европейского, и особенно немецкого романтизма. Первыми теоретиками романтизма в Германии романтическая поэзия трактовалась как универсальное средство познания жизни, постижение ее таинственных явлений и законов. К ирреальному, к мистическим откровениям они испытывали доверие неизмеримо большее, чем к прямым открытиям ума [1]. Для русских романтиков немецкий романтизм был привлекателен порывом ко всему загадочному, но не мистическими образами. Они сторонились мистики и относились к ней враждебно.

Гёте был одним из основоположников немецкой литературы. В его балладе «Лесной Царь» природа является воплощением сверхъестественных сил, способных причинить вред человеку. Гете освоил художественное своеобразие народной баллады и использовал в произведении типичные образы сказаний о волшебных существах, обитающих в чаще леса.

Главной тайной баллады является смерть мальчика. Читатель может лишь догадываться о причинах гибели ребенка. Возможно, Лесной Царь – лишь видение, вызванное болезнью. Каждый решает сам, существовал ли Лесной Царь на самом деле или нет. Но ситуация совершенно меняется, если посмотреть на переводы «Лесного Царя», сделанные в России в эпоху романтизма. Русские переводчики придерживались традиций именно русского романтизма и трактовали мистику баллады по-своему. Для лучшего понимания всех изменений, произошедших в тексте, сравним русские переводы не только с оригиналом, но и с английскими переводами.

Английские переводы показывают нам образ таинственного леса, который иногда оказывается даже мрачнее, чем у Гёте. Мы видим темные деревья, гнущиеся, как в танце, под резкими порывами ветра, густые кольца тумана. Всадник рассказывает сыну, что слышит, как завывает ветер, проносящийся сквозь ветки, эти звуки напоминают человеческие вздохи. Все как-будто указывает на реальность Лесного Царя. В русских переводах атмосфера не выглядит настолько устрашающей и предвещающей беду. Всадник видит просто ночной лес, наполненный тихими звуками шелестящих листьев, и белеющие в темноте силуэты деревьев, окруженные седой дымкой тумана.

Интересным также является образ самого Лесного Царя. В балладе Гёте мальчик манит за собой мифическое существо с хвостом и короной. Хвост по-немецки – и Schwanz и Schweif; например, у собаки Schwanz и Schweif – у льва, у дьявола, у кометы – и у Лесного Царя [2]. В русских переводах Лесной Царь – человек в богатых одеждах и с седой бородой. Такие изменения можно понять, зная стремления русских

переводчиков эпохи романтизма сделать балладу реалистичной. Но если рассмотреть все три английских перевода, то в них Лесной Царь также предстает перед нами в образе величавого старика-короля. И это несмотря на то, что английские переводчики старались передать всю фольклорность произведения. Видимо, по мнению писателей, ребенку было легче поверить уговорам человека, а не существа в животном или дьявольском облики.

Рассматривая все переводы «Лесного Царя», можно выделить два, которые разительно отличаются друг от друга в отношении реальности Лесного Царя. Это переводы Мэтью Льюиса и В. А. Жуковского. Английский переводчик сделал все возможное, чтобы заставить читателей поверить в то, что именно Лесной Царь убил ребёнка. Всадник искренне не понимает, почему ребенок дрожит, и предполагает, что он чего-либо испугался. У Жуковского же с самого начала баллады можно понять, что ребенок болен и его бьёт дрожь. В переводе Льюиса и оригинале Лесной Царь становится причиной гибели мальчика, он уносит его душу в темноту леса. У Жуковского ребенку было настолько плохо из-за болезни, что его мучили видения. Именно от болезни мальчик и умирает.

В конце баллады ребенок у Гёте стонет (*ächzen* - стонать от боли, тяжести). Но от какой боли? От болезни, или потому что его схватил Лесной царь? Именно это остаётся неизвестным. Русские варианты баллады более реалистичны. Все три переводчика указали на то, что ребенок задыхался, и поэтому он стонал. Английские переводчики довольно четко дают понять, что Лесной Царь приблизился к мальчику, который дрожал от страха (именно от страха – *shudder*), и забрал его с собой в темноту. Русские переводы лишены сверхъестественной концовки, в них Лесной Царь никогда не существовал на самом деле. Никакой тайны не было и не могло быть.

Русские переводчики отрицают мистику происходящего. Лесной царь Жуковского (сам Жуковский) бесконечно добрее: к ребенку добрее, - ребенку у него не больно, а только душно, к отцу добрее – горестная, но все же естественная смерть, к нам добрее – ненарушенный порядок вещей. Ибо допустить хотя бы на секунду, что Лесной Царь есть, – сместить нас со всех наших мест [2]. С точки зрения М.И. Цветаевой, Гёте, развивая идею народной баллады, создает фантастический мир, в котором призрак Лесного царя оказывается вполне реальным и возможным. Баллада Гёте – по-народному достоверный миф, и читатель, говоря опять же словами Цветаевой, испытывает чувство ужаса [3]. Общая концепция мифа у английских переводчиков сохранена: их переводы не устраняют народных корней баллады. Английские переводы занимают промежуточное положение между фольклорной балладой Гете и подчеркнута литературными русскими вариантами.

Литература

1. Фридендер Г.М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская литература. Л., 1987.
2. Цветаева М.И. Два Лесных Царя // Мастерство перевода. М., 1963. С. 286-289
3. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.